

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 14-039

ШПИОНСКИЙ ТОКИО

А.Е. Куланов

Гриф секретности снят

Александр Куланов
Шпионский Токио

«ВЕЧЕ»

2014

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6

Куланов А. Е.

Шпионский Токио / А. Е. Куланов — «ВЕЧЕ», 2014 — (Гриф секретности снят)

ISBN 978-5-4444-2289-2

Первый советский военный нелегал в Токио и мастер боевых искусств Василий Ощепков позволял жене флиртовать с японскими офицерами, потому что знал, что с таким местом жительства, как у него, других шансов получить нужную информацию нет. Показания, данные на суде великим разведчиком Рихардом Зорге, журналисты называли «путеводителем по ресторанам Токио», но карта удивительных перемещений «Рамзая» и членов его группы до сих пор хранит массу секретов. Воспитанный в Токио наставником наследного принца настоящий советский ниндзя Роман Ким написал о повседневной жизни японских разведчиков в Токио так, что невозможно поверить, что он не был одним из них и не собирался вскрыть себе живот перед императорским дворцом. Гении шпионских мест Токио: Ощепков, Зорге, Ким. Забытый советский разведчик Николай Кошкин. Предатель Станислав Левченко и шпион-неудачник Константин Преображенский. Все эти люди начертили замысловатую карту Восточной столицы тех времен, когда казалось, что каждый камень там дышит органами.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-4444-2289-2

© Куланов А. Е., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	11
Биография – начало	12
Акасака	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Куланов

Шпионский Токио

Памяти Василия Сергеевича Ощепкова, одного из первых русских гидов в Японии, разведчика и дзюдоиста, посвящается эта необычная книга

...Токио, который я видел до сих пор только с фасада, вдруг повернулся, как на вертящейся сцене театра Кабукидза, и предо мной открылся другой Токио...

Роман Ким. Тетрадь, найденная в Сунчоне

© Куланов А.Е., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Предисловие

Я не мог не написать эту книгу, хотя осознал это окончательно, лишь создав на экране компьютера новый файл. На виртуальный белый лист мне предстояло переложить то, о чем я не раз уже рассказывал вслух своим друзьям, слушателям, туристам. Это было то, к чему привела меня судьба. Значит, пришло время...

Много лет назад, еще в Советском Союзе, школьником я много ездил на экскурсии. Организовывал их профком поликлиники, где работала моя мама, и благодаря ей выходные в музеях, в автобусах с замечательными гидами и интеллигентной публикой – врачами и медсестрами того, советского, времени – были для меня привычным и приятным времяпрепровождением. Большинство экскурсий были хотя и чудесно хороши, но стандартны для жителей Москвы и Подмосковья: Троице-Сергиева лавра и Алмазный фонд, Бородинское поле и Петрищево (кому из молодых сегодня что-то скажет это название?), Исторический музей и мемориальные дома-музеи русских писателей. Заметно выделялись из этого ряда две поездки: в Пушкинские горы, где гидом тогда работал Сергей Довлатов, чего я, в силу возраста и не наступившей еще для его понимания эпохи, заметить, конечно, не мог, но где и без того было удивительно красиво и в воздухе растворялась поэзия, и еще одна... Называлась она «По памятным местам КГБ СССР в Москве».

Во время той поездки мы почти не выходили из автобуса, лишь через окна рассматривая места, показываемые экскурсоводом: гастроном № 40 на улице Дзержинского, воспетый эксполковником разведки великолепным писателем Михаилом Любимовым, могучее здание КГБ, известное как «Дом 2» (тогда еще безо всяких ассоциаций с ужасным ТВ-проектом наших дней), места явок и тайниковых операций, где происходили передачи корреспонденции и посылок агентам, точки выхода на связь и задержания иностранных разведчиков советскими органами госбезопасности. Все это сопровождалось интригующими пояснениями гида, выделенного нам профкомом клуба КГБ все на той же улице Дзержинского: «Видите нишу в стене – там удобно оставлять контейнеры в виде смятых банок; а вот на этом мосту брали Трианона-Огородника, и сотрудница ЦРУ Марта Петерсон пыталась демонстрировать группе захвата приема каратэ». Я был еще мал и некоторое из той экскурсии запомнил на всю жизнь, но для меня, пусть и в меньшей степени, чем для того же Михаила Любимова, стало очевидно, что «каждый камень в Москве дышит Органами».

Конечно, эта экскурсия середины 1980-х годов была совсем неполной и недостаточной для понимания гения чекистского места в советской столице – нам ни слова не сказали о том, о чем рассказывают на экскурсиях сегодняшних: о тайной «лаборатории X» доктора Майрановского в Варсонофьевском переулке, о тюрьмах – Бутырке, Таганке, Лефортово, Сухановке, или о местах массовых расстрелов политзаключенных во двореке больницы № 23 «имени Медсантруд», на московских кладбищах и на полигонах: Бутовском и Коммунарке. Все это пришлось изучать самому – потом, когда стало можно, и когда оказалось, что на том же Бутовском, мимо которого мы с отцом ясными зимними выходными бегали на лыжах покататься на Сухановских горках, лежат вместе и мои предки, и герои моих сегодняшних исследований. Но тогда, в юности, я этого еще не знал и думал, что все это очень романтично: служба в органах, разведка, контрразведка, слежки, явки, тайники... Неудивительно, что мне очень хотелось самому быть причастным к «героике чекистских будней» и, написав однажды под копирку сочинение на тему «Почему я хочу служить в органах КГБ СССР», я чуть в этих самых органах и не оказался. Наступивший 1991 год с его путчем и настоящей, а не декларируемой, гласностью разрушил юношескую мечту, вскоре (и, признаюсь, довольно легко) заменив ее новой – мечтой о далекой и экзотической Японии, и в этом уже не было ничего тайного и шпионского – на мой вкус, страна оказалась слишком хороша для этого. В качестве атавизма прошлого увлечения

сохранились лишь тяга к военному порядку на столе (хороший вуз не знания должен давать, а дисциплину и способность к исследованиям – считал Михаил Булгаков, и я с ним совершенно согласен), да некоторые представления о том, что такое военная служба. Но воспоминание о том, как я однажды, выполняя учебное задание, не смог найти конспиративную квартиру в центре Москвы, сыграло фрейдовскую шутку с моим подсознанием. Подсознательно пытаясь все время исправлять допущенную когда-то ошибку, я полюбил ходить по карте и теперь физически плохо себя ощущаю, если не изучу окрестности любого нового места, куда заносит меня судьба. В Японии эта привычка переросла не только в навязчивую тягу подольше и почаще находиться на свежем воздухе, но и в возможность заработка – попав в 2002 году на стажировку в аспирантуру Токийского университета, я вскоре впервые попробовал себя в качестве гида для русских туристов и потом отдал этому занятию несколько лет. Уже в то время я интересовался судьбой основателя русского дзюдо и самбо – выпускника Токийской православной семинарии Василия Ощепкова. Много лет спустя, когда я узнал, что он тоже был своеобразным гидом, водившим русских туристов по японской столице, то не очень-то и удивился: все это должно было когда-то соединиться в единое целое. Особенно если речь идет о Токио – городе странном, трудно понимаемом, далеко не сразу раскрывающем свое обаяние и свои тайны перед иностранцами, но прекрасном, мистическом и удивительном...

Название этого места в буквальном переводе на русский язык означает «Восточная столица» – в отличие от столицы западной, традиционной, культурной, императорской – Киото. Хотя Токио город сравнительной молодой – ему всего около половины тысячелетия, это, безусловно, сердце Японии, ее мозг, ее главный нерв. Именно с этим городом связана основная часть истории взаимоотношений русских и японцев, нашей страны и Страны солнечного корня, как переводится с японского слово Нихон – Япония.

Неудивительно, что, впервые попав в этот удивительный город, я тоже далеко не сразу понял и прочувствовал все его очарование, но зато очень скоро столкнулся со знакомой с юности темой – гением места советской разведки. Столкнулся даже раньше, чем узнал об этом, но на то она и есть – тайная служба. Впрочем, подробности того, как и где я, в одиночку и со своими друзьями, искал и находил в Токио следы героев и антигероев советских спецслужб, я расскажу в соответствующих главах этой книги. Пока же – лишь несколько необходимых вводных слов.

Разведка медленно и крайне неохотно раскрывает свои секреты. Разведка любая – в нашем случае, что японская, что русская. Правда, есть и различия в способах хранения секретов и в технике их постепенного раскрытия. В нашей стране, где принято беречь пуще глаза любую информацию – на всякий случай и «как бы чего не вышло», где один закон дублирует, одновременно противоречит ему, другой, тайны хранятся непостижимо долго и охраняются строго. Даже если времени прошло столько, что раскрытие их становится насущной необходимостью для понимания собственной истории, а нераскрытие, наоборот, только вредит воспитанию подрастающего поколения. У нас всегда можно сберечь в секрете самый незначительный для разведки документ, который мог бы дать возможность исследователям восстановить личную жизнь героя, но не даст – просто потому, что «а вдруг...». В Японии законы соблюдаются строго: сказано – такого-то числа тайна должна перестать быть тайной, и перестанет. Но... В этой стране даже о многих очевидных казалось бы вещах часто бывает не принято говорить, а уж когда дело касается настоящих загадок прошлого, то тут тоже иногда возникают серьезные проблемы. Поэтому, когда родилась мысль написать книгу о «шпионской топографии Токио», сразу возник вопрос: на основании чего писать? И о ком писать?

К тому времени я располагал данными, в том числе никогда ранее не публиковавшимися, о, выражаясь языком менеджеров, логистике перемещений по Токио двух героев нашей разведки: Василия Ощепкова и Рихарда Зорге. Более того, в случае с Василием Ощепковым исследование топографии токийского периода его жизни привело меня к выводу о необходимости

переосмысления и переоценки работы советского нелегального резидента в японской столице. Предполагалось, что кое-что о последователях В.С. Ощепкова можно найти в опубликованных материалах о действиях легальных резидентур НКВД и IV управления Генерального штаба РККА (соответственно политической и военной разведки) в предвоенный период. А дальше? Дальше история неумолимо выводила нас к тем, чьи фамилии и публиковать-то под одной обложкой как-то совестно: прежде всего, к предателю Левченко и трагикомической фигуре шпиона-неудачника Преображенского. Писать о них, цитировать их и странно, и смешно. С другой стороны, в гарантированном отсутствии в ближайшие десятилетия сообщений о новых героях «невидимого фронта» на самом Дальнем Востоке только опубликованные откровения подобных персонажей советского прошлого остаются сегодня единственными открытыми свидетельствами, хоть как-то раскрывающими географию работы разведки уже несуществующего СССР в Токио. Тем более, что в этих откровениях немало неточностей и даже вредных ошибок, которые, пожалуй, настала пора исправить.

Понятно, наконец, что исторические рамки книги в основном ограничены именно советской эпохой. Если точно, то речь пойдет о периоде длиной в 60 лет – с 1925-го, когда в Токио прибыл первый резидент советской военной разведки (будущего ГРУ) Василий Ощепков, по 1985 год, когда из Восточной столицы был выслан сотрудник резидентуры Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР Константин Преображенский. Повторюсь: хотя эти два персонажа – абсолютные антиподы друг друга, но все же их судьбы оказались объединены одной темой, одним городом, одной – советской – эрой. Точно так же, как истории Рихарда Зорге и Станислава Левченко мистическим образом оказались закольцованы одними тем же отелем в центре Токио. Нелишне заметить в связи с этим, что возможное отождествление методик действий и географии почившей в бозе советской и ныне действующей российской разведок автор целиком и полностью оставляет на совести читателей.

Наконец, несколько технических замечаний. В написании японских имен и фамилий используется принятое в отечественном японоведении правило: сначала фамилия, потом имя. Японские слова и названия транслитерируются в соответствии с системой Поливанова: не «суши», а «суси». Исключения – общепринятые названия, например, не «Токё», а «Токио», не «Ёкохама», а «Йокогама».

В Токио, как и в большинстве других городов Японии, существует совершенно отличная от нашей адресная система. Несмотря на то что многие улицы здесь, как и везде, имеют названия, адреса к ним никак не привязаны. Когда вы пытаетесь найти на карте нужный вам дом, этот поиск визуально больше всего напоминает работу сверхточного космического прицела. В его фокусе оказываются последовательно город, городской округ, район, квартал и, наконец, искомая точка – точь-в-точь как это показывают в боевиках, когда за какими-нибудь преступниками следит спутник из космоса. На практике же это выглядит так. В современной японской столице 23 городских округа, в каждом есть несколько больших районов, в котором есть свои кварталы с пронумерованными домами, – все очень просто и удобно для поиска. Например, когда я жил в Токио, мой адрес звучал так: Токио-то (губернаторство Токио), Ота-ку (район Ота), Ооморикита (квартал Северное Оомори), 4 (номер микрорайона), 2—205 (номера дома и квартиры соответственно).

В старом, особенно довоенном, Токио адресная система была почти такой же, за тем исключением, что названия кварталов, их деления, размеры и расположения были иными, но об этом речь еще пойдет впереди.

В целом же автор вполне отдает себе отчет в том, что его труд не свободен от ошибок, поэтому будет благодарен за мотивированные и подкрепленные фактами исправления. И, конечно, я прекрасно понимаю, что пока еще не каждый читатель этой книги побывал в Токио, но искренне надеюсь, что побывает каждый.

Я не могу не высказать слова признательности Игорю Ульянченко – выпускнику московской школы № 141 имени Рихарда Зорге, автору идеи этой книги, надоумившего меня в мае 2013 года изложить мои рассказы о «шпионском Токио» на бумаге, и туристической компании «КИР тур», обеспечившей условия для моих исследований и сбора материала в японской столице. Огромное спасибо также всем моим многочисленным помощникам, без которых осуществление этой идеи было бы невозможным!

Глава 1

Василий Ощепков: от холма Суругадай до «Краснохолмского района»

Внизу наткнулся на двух русских воспитанниц из Владивостока, просивших переводчика. Дал им Василия Ощепкова – в переводчики и провожатые по Токио.

Из дневников святителя Николая Японского, 3/16 июля 1909 года, пятница

Я искал место, где жил Василий Ощепков в Токио, несколько месяцев. Историк борьбы Михаил Лукашев в своей книге «Сотворение самбо. Родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской...» сумел, на основании доступных ему в оттепель 1990-х годов документов из архива ГРУ, относительно точно описать район, где в 1925–1926 годах снимал квартиру Ощепков с женой. Я успел даже выступить с одним из докладов на тему русских выпускников Токийской православной семинарии, в котором упомянул это место, в московском Доме Русского зарубежья имени Солженицына, прежде чем мне пришлось изменить свои представления об «ощепковской топографии». Благодаря помощи профессоров Савада Кадзухико и Петра Подалко мне удалось найти в архиве Министерства иностранных дел Японии несколько донесений сотрудников японской тайной полиции – токко – о наблюдении за российскими эмигрантами. Нашелся там и один документ, посвященный В. Ощепкову. В нем, как и положено в таких случаях, адрес подозреваемого. Известно, однако, что адресная система в Токио с середины 1920-х годов менялась несколько раз, а значит, предстояло еще свести старый адрес с картой современного Токио. В книжной лавке в квартале старых книг Дзимботё я нашел карту Токио 1926 года и отправился на поиски. Довольно легко место было найдено – недалеко от перекрестка авеню Аояма-дори и Омотэ-сандо, и... вычисление оказалось неверным. Переводчица документа Иamura Эцуко указала мне на ошибку: вместо дома № 6 мне следовало искать дом № 60. Я сумел обнаружить его только через пару месяцев – в свой следующий приезд в Токио. Когда, наконец, нужная точка была найдена, возникло странное ощущение. Выйдя из мини-квартала, своеобразного японского «двора» на улицу, я догадался, в чем дело. Во время первого своего визита в Токио в августе 1998 года, когда я приезжал сюда по коммерческой надобности, офис моей компании находился в соседнем доме – в каких-то ста метрах от того самого места, которое мне так хотелось найти долгие годы. Впрочем, это не совсем так. В 1998 году я только приступил к сбору документов о судьбе этого человека, и процесс этот продолжается по сей день. Я скептически отношусь ко всякого рода «знакам», но... может быть, действительно – просто мы не умеем их читать? Ведь и позже я много раз проходил мимо этого перекрестка, в том числе и тогда, когда голова была уже всю занята размышлениями над судьбой этого человека. А подумать тут было над чем...

Биография – начало

Василий Ощепков родился в «столице сахалинской каторги» – поселке Александровский пост, в семье ссыльнокаторжной Марии Семеновны Ощепковой и «вольного» столяра Сергея Захаровича Плисака 25 января 1892 года по старому стилю или 7 января 1893 года – по новому. Брак между каторжными и сахалинскими поселенцами не мог быть официально признан, и Василий считался незаконнорожденным. В детстве он оказался еще и сиротой: в 1902 году умер его отец, а в 1904-м скончалась мать. Судя по косвенным данным, у мальчика в наследстве осталась собственность: дом № 10 то ли по Александровской, то ли по Большой улице (русские и японские документы на этот счет противоречат друг другу), который, вероятно – прямых подтверждений этого пока не обнаружено – сдавали в аренду его опекуны: Емельян Владыко и В.П. Костров. С той же долей вероятности можно предположить, что усилиями все тех же опекунов Василий был определен на учебу в единственное в то время на Сахалине реальное училище (опять же: то ли Александровское, то ли Новомихайловское). С высот сегодняшнего дня аттестат об окончании такого учебного заведения не выглядит престижным. Однако не только для Сахалина столетней давности, но и для всей России оно было свидетельством относительно высокого уровня просвещенности. Во всяком случае, подавляющее большинство будущих начальников Васи Ощепкова из Разведывательного управления Красной Армии не имело и такого. Год окончания нашим героем реального училища неизвестен, но, судя по всему, это случилось в 1907 году. Сам мальчик выказал при обучении серьезные способности, и опекуны его не остались равнодушными к судьбе сироты. В августе того же года 14-летний Вася Ощепков отправился в Японию – для обучения в Токийской православной духовной семинарии, открытой при русской православной миссии еще в 1875 году.

Один из преданных исследователей биографии Василия Ощепкова Лев Семенович Матвеев успел в свое время услышать рассказы приемной дочери Ощепкова Дины Николаевны Казем-Бек о том, как ее отчим попал в японскую столицу. Деньги на дорогу у мальчика были, хотя и очень немного. Не было четкого понимания того, куда он едет, не было знания языка. Но было главное – характер. Тот ощепковский характер, который потом сделает из сахалинского сироты героя-разведчика, прославленного спортсмена, знатока японского языка, выдающегося тренера, преподавателя. По воспоминаниям Дины Николаевны, Василий договорился с матросами парохода «Доброфлота» – судовой компании, осуществлявшей регулярные рейсы из России в соседние и дальние зарубежные страны, и в трюме корабля пересек Японское море, чтобы высадиться в японском порту Цуруга – одном из основных пунктов морского сообщения этой страны с материком и с Сахалином. Сегодня от порта Цуруга до холма Суругадай в Токио, где находилась православная семинария, примерно 4 часа езды на двух экспрессах. В 1907 году на преодоление полутысячи километров у Василия ушло несколько дней, и до сих пор непонятно, как ему удалось добраться до русской православной миссии одному, повторюсь, без знания языка, без которого и сегодня в Японии худо, по стране, которая только два года назад воевала с его родиной. Появление белого иностранца в стороне от туристических маршрутов и поныне вызывает у многих японцев шок – никогда не забуду, как в одном маленьком японском городке местная девушка, внезапно столкнувшись со мной в упор, упала в обморок. Что же говорить о 1907 году? И война, конечно, война... Слишком многие тогда в этой стране искренне ненавидели русских и Россию, слишком многие могли желать ему смерти. Преподавателя японского языка в Восточном институте Владивостока Маэда Кёцугу, приехавшего в Токио в отпуск, фанатик-националист зарезал белым днем в столичном парке Сиба в присутствии местного журналиста – только за то, что Маэда преподавал язык русским, а значит, считался шпионом. Василию еще предстояло в буквальном смысле на собственной шкуре ощутить отношения японцев к бывшему врагу, но пока ему надо было добраться до Токио, и он

сделал это. Глава русской духовной миссии, основатель и попечитель семинарии архиепископ Николай Японский годом позже писал с еще не изжитым чувством удивления о этом событии: «1907 г. 1 сентября явился в миссию мальчик Василий Ощепков, сын сосланной на Сахалин, ныне круглый сирота, с письмом от своего опекуна, учителя новомихайловского училища в Александровском посту на Сахалине, потомств. почетного гражданина В.П. Кострова и просьбою о принятии в семинарию. Принят». И здесь самое время сказать несколько слов о том, что такое Токийская православная духовная семинария.

Бывший офицер резидентуры КГБ в Токио однажды рассказал мне, как еще в начале 80-х годов один его коллега, работавший в Подмоскowie под прикрытием церковного сана, завидовал «смежникам» из ГРУ – военной разведки: «У них один Иван Касаткин чего стоил! Лучшего разведчика, чем он, в Японии никогда не было!» В этом высказывании четко сформулирован один из распространенных, созданный когда-то японцами, миф о том, что основатель и глава православной церкви в Японии был разведчиком. Сегодня совершенно точно и достоверно известно, что Иван Дмитриевич Касаткин – архиепископ Николай Японский, причисленный в 1970 году к лику святых, никогда не выполнял никаких тайных миссий, но причина для зависти молодого кагэбиста все же существовала. Дело в том, что на протяжении нескольких лет Токийская православная семинария действительно готовила отличные кадры для российской военной разведки – сама не ведая о том.

За пять лет до внезапного приезда в Токио Васи Ощепкова, в 1902 году к главе русской духовной миссии в Токио, располагавшейся на царившем над японской столицей холме Суругадай, российские военные впервые обратились к епископу Николаю с просьбой принять в семинарию двух мальчиков для подготовки из них переводчиков японского языка. Владыка согласился, и двое казачат из Маньчжурии – Федор Легасов и Алексей Романовский прошли с преосвященным бок о бок все тяготы жизни во вражеском стане во время Русско-японской войны 1904–1905 годов.

В 1906 году, после того как ребята окончили семинарию и убыли в качестве военных переводчиков к местам службы в Россию, их место заняли сразу 8 человек, а потом курс неоднократно пополнялся снова и снова. Стараясь преодолеть провалы в организации разведки, выявленные в ходе войны с японцами, наши военные придумывали самые разнообразные схемы, включая столь экзотические, как открытие в Японии «детского сада» для воспитания в нем сирот из России и подготовки из них кадровых разведчиков. Отправка в Токио казачат была отчаянной попыткой реализации части этого плана на практике: «Принимая во внимание острую нужду в русских людях, владеющих местными языками и, в особенности, японским, начальник Заамурского Округа (г. Харбин) по собственной инициативе выслал в конце 1906 года 8 русских мальчиков в Токио в православную миссию».

Примерно половина семинаристов не выдержала крайне сурового обучения в духовной миссии, больших интеллектуальных, физических и психологических нагрузок и необходимости во всем следовать японским правилам. Они – недоучки – покинули духовную миссию с разрешением служить в русской армии «устными толмачами для переговоров с японцами», и это одно из свидетельств высочайшего уровня владения японским языком в семинарии. Ведь даже в быту, в свободное от занятий время на протяжении всех шести лет обучения русские подростки должны были общаться между собой только по-японски.

Занятия в семинарии строились путем сочетания двух программ: православной духовной семинарии и японской общеобразовательной школы. В число предметов последней входило дзюдо. Владыка Николай однажды записал в своем дневнике: «Путешествующий Генерал-майор Генерального штаба Данилов был, с военным агентом Генерал-майором Самойловым. Хотели посмотреть школы наши... ученики показали ему борьбу “дзюдзюцу”». Запись важная: Юрий Никифорович Данилов, по прозвищу «Данилов Черный» (в одно время с ним в императорской армии служили еще «Данилов Рыжий» и «Данилов Белый»), являлся шефом

русской военной разведки. Генерал Владимир Константинович Самойлов – военный агент, или, выражаясь современным языком, военный атташе России в Токио, выдающийся разведчик, курировавший обучение русских семинаристов и частенько их навещавший. Понятно, что высокие чины российской спецслужбы поднялись на Суругадай не только для того, чтобы выразить почтение самому уважаемому члену русской колонии в Токио – архиепископу Николаю.

Но... знал ли об этом, знал ли о будущем предназначении своих воспитанников сам владыка? Судя по его дневникам, статьям, воспоминаниям современников, некоторые из которых, как большой друг семинарии профессор японоведения Дмитрий Матвеевич Позднеев, сами были агентами русской разведки, ответ можно дать однозначный – нет. Более того, свое будущее не сознавали и сами семинаристы, а программа их подготовки, хотя и включала в себя разные особенные виды переводов, в том числе японских писем, газет и тому подобной специальной лексики, полностью была лишена изучения лексики военной. Так что Токийская православная семинария никогда не существовала как «школа шпионов» или, во всяком случае, – как школа русских шпионов. О ее роли в подготовке переводчиков-японцев разговор особый: так уж распорядилась судьба, что многие ее японские выпускники связали свою жизнь со своей разведкой. К судьбе Василия Ощепкова мы еще вернемся, а пока несколько слов о тех его соучениках, о которых известно более остальных – так мы лучше сможем представить себе общую линию судеб русских выпускников токийской духовной миссии.

Исидор Незнайко окончил семинарию на год раньше Ощепкова и отправился в Харбин, где проходил службу в штабе округа – «с отличающей его старательностью, точностью и добросовестностью, проявляя во всех случаях (по отзывам японцев) прекрасное знание японского языка». Всю свою дальнейшую службу, а Незнайко до 1954 года прослужил на различных участках и ответвлениях китайских железных дорог, он возглавлял переводческие отделы, изумляя окружающих совершенным знанием японского языка. Вот забавная и характерная вырезка из одной из харбинских газет: «Исидор Яковлевич Незнайко – сплошное “неизвецио”». Его японская речь немедленно вызывает в представлении присутствующих пышные хризантемы и миндалевидные глазки прелестных гейш. Недаром даже японцы, знакомясь с И.Я. на улице, в заключение беседы просят его снять шляпу, чтобы убедиться по цвету волос, что он не их соотечественник». В конце жизни Незнайко вернулся на родину – в Советский Союз, где мирно скончался в 1968 году, став одним из немногих японоведов, которых не затронули репрессии. В том, что И.Я. Незнайко действительно был «сплошным неизвецио», мы смогли убедиться в 2012 году, когда стараниями его внука из архива были получены уникальные документы, проливающие свет на другую сторону жизни его деда – человека, назвавшего себя в автобиографии, написанной в 1945 году в СМЕРШе, «секретным связистом» русской разведки в Китае. Связь эта длилась десятилетиями и не зависела от смены режима на родине. Молодой выпускник семинарии служил в казачьих частях по охране Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). После революции по заданию белогвардейской разведки Исидор Незнайко «постарался проникнуть в Комендантское управление [ст. Куаньченцзы]. Занимался тайной информацией о японцах и их передвижении в Сибирь, работа была довольно опасная, приходилось необходимые записи условно делать на спичечных коробках, а затем расшифровывать и делать дома сводки донесений». А несколько лет спустя именно в доме Незнайко на Стрелковой улице в Харбине останавливался первый нелегальный резидент советской военной разведки в Японии Василий Ощепков по дороге к новому месту службы. К сожалению, об остальном мы можем только догадываться: в сопроводительных материалах к документам на И.Я. Незнайко особо отмечено, что ряд их, «в том числе касающиеся работы в Манчжурии в 1945–1954 гг., содержат агентурные сведения, донесения, ФИО офицеров контрразведки министерства государственной безопасности» и «выдаче не подлежат».

Прибывший вместе с Исидором Незнайко в 1912 году в Харбин выпускник семинарии Владимир Плешаков тоже стал профессиональным разведчиком, участником Первой мировой войны. Много позже, на допросах в НКВД в 1937-м, он подтвердил, что в чине поручика служил в разведке Колчака в качестве офицера-восточника, где занимался анализом возможных действий японских союзников, находящихся не в самых теплых отношениях с Колчаком. В качестве переводчика, но без отрыва от основной службы в разведке, Плешаков участвовал в переговорах забайкальских атаманов с командованием японского экспедиционного корпуса. С 1923 по 1928 год он работал в Центросоюзе в Хакодате – «крыше» резидентуры ОГПУ на самом северном японском острове Хоккайдо, где находился в контакте с резидентом Разведупра в Токио «Монахом» – Ощепковым. Кстати, сам Василий Ощепков в Токио был связан с еще одним русским однокашником – Степаном Сазоновым, служившим личным секретарем атамана Г.М. Семенова. Похоже, что Ощепков и Сазонов готовили операцию по переходу Семенова на советскую сторону, сорванную не по их вине. В январе 1946 года Сазонов был арестован военной контрразведкой «СМЕРШ» и расстрелян в Хабаровске. Сотрудника шифровального отдела НКВД Владимира Плешакова расстреляли на Бутовском полигоне под Москвой в 1937-м.

В 1938 году там же был расстрелян еще один семинарист – Трофим Юркевич, служивший у Колчака разведчик «красного подполья». В документах большевистской разведки он проходит как «агент Р», работающий в штабе японских оккупационных сил во Владивостоке. После Гражданской войны Юркевич стал видным японоведом, преподавателем Восточного института. Мне довелось видеть подписанные им после пыток протоколы допросов – этого не забыть никогда.

Каждый из этих людей заслуживает долгого и подробного отдельного повествования, но пора нам вернуться к их другу – Василию Ощепкову и его первому посещению Токио.

Известно, что с 1908 года при семинарии существовала школа дзюдо, как основа физической подготовки, входящая в программу японских школ. В семинарии тренировки вел один из инструкторов Кодокан – главной дзюдоистской школы или, как говорят японцы, додзё, так как и авторитет православной школы в качестве учебного заведения был велик, и находилась миссия не так уж далеко от штаб-квартиры дзюдо. Видимо, Василий Ощепков показал определенную склонность к борьбе, так как 29 октября 1911 года он, вместе с еще одним семинаристом – Трофимом Попилевым, был приглашен для обучения непосредственно в Кодокане, а 15 июня 1913 года, за неделю до выпуска из семинарии, стал первым известным нам русским и четвертым европейцем, получившим начальную мастерскую степень – 1-й дан по Кодокан дзюдо. Позже, 4 октября 1917 года, будучи в командировке в Японии, Ощепков сдал в Кодокане экзамен и на более высокий – 2-й дан (всего мастерских степеней в дзюдо тогда существовало 5, где 5-й дан был высшим).

Цели и задачи командировки В.С. Ощепкова в Японию в 1917 году нам неизвестны – после окончания семинарии и до октябрьского переворота в России он служил в контрразведке в Хабаровске, Харбине и Владивостоке. В архивах штабов Приамурского и Заамурского округов, Владивостокской крепости должно храниться еще немало пока сокрытых от нас документов, способных пролить свет на деятельность «унтер-офицера контрразведочного отделения» Василия Ощепкова. Зато точно известно, что все это время он продолжал заниматься дзюдо – и как борец, и как тренер, и как пропагандист. В 1915 году спортивный журнал «Геркулес», выходивший в Петрограде, писал о новостях из Владивостока: «Правление [местного спортивного] Общества, воспользовавшись пребыванием в городе специалиста японской борьбы “джиу-джитсу” г. Ощепкова, пригласило его в качестве преподавателя. Интерес к этой борьбе возрастает среди спортсменов, и они с увлечением принимаются за изучение одного из самых распространенных видов спорта в Японии». Ощепков просьбу спортивного общества удовле-

творил, увлечение приморских энтузиастов поддержал, и до 1920 года руководил действовавшим во Владивостоке кружком дзюдо.

В те далекие времена дзюдо действительно было спортом суперменов и тайным оружием шпионов и диверсантов. Не случайно еще в 1896 году в том же Владивостоке самую первую в российской истории школу дзюдо открыл Утида Рёхэй – японский разведчик, теоретик и практик японского ультранационализма, основатель скандально известного в начале XX века «Общества реки Амур» – Кокурюкай. Но школа Утиды была залом для своих, для японцев, и располагалась она в центре Владивостока, на территории буддийского храма Урадзю Хонгандзи, там же, где находилась штаб-квартира «профсоюза» японских проституток в Приморье, и где японские разведчики имели свою перевалочную базу в поездках по русскому Дальнему Востоку. Василий Ощепков в преподавании дзюдо пошел другим путем. Воспитанник школы Кодокан, ученик основателя дзюдо Кано Дзигоро, ясно видевшего спортивные и международные перспективы японской борьбы, Ощепков сделал свою секцию открытой для всех. Уже 4 июля 1917 года он провел во Владивостоке первые в мировой истории международные соревнования по дзюдо, пригласив для этого в Россию дзюдоистов из Коммерческого училища города Отару с самого северного японского острова – Хоккайдо.

К сожалению, 1917-й был не лучшим годом для мирных инициатив. Вскоре после октябрьской революции Ощепков оказывается на службе в армии адмирала Колчака – как переводчик с востребованного тогда японского языка. Одновременно он выполнял эту же функцию и в Управлении военно-полевых сообщений японского экспедиционного корпуса, расквартированного во Владивостоке. Похоже, что пойти на службу после увольнения из расформированной царской контрразведки его заставила либо мобилизация, либо материальное положение – не на что стало жить. Перед этим Ощепков открыл было школу японского языка и попытался заработать денег, участвуя в торговых операциях с Японией (сохранились документы о закупке им на островах нескольких пудов обуви), но не вышло. Купил кинопроектор «Пауэрс» и решил освоить новую, модную специальность – кинопрокатчика, но только вызвал к себе ненужный интерес. Должность, образование и активность молодого сахалинца на государственной японской службе с кинопроектором привлекали внимание красного подполья: есть сведения, что его представители с 1920 года наладили сотрудничество с Ощепковым. А в следующем году, уехав из Владивостока на родной остров, чтобы показывать там кино местным жителям и японским солдатам, занявшим к тому времени весь Сахалин, Василий Ощепков становится секретным сотрудником советской военной разведки – агентом «ДД».

В центре внимания Ощепкова оказались японские гарнизоны в северной части Сахалина. Свободно владеющий японским языком, имевший опыт жизни в Токио, Василий Сергеевич легко сходилась с японскими офицерами, а для солдат выполнял во время киносеансов функции переводчика, растолковывая им содержание крутимых кинокартин – по большей части европейских и американских. Результатом переездов по Сахалину и общения с японскими военными стали разведывательные донесения Ощепкова. Они точны и детальны. В них есть информация о дислокации и вооружении воинских частей, например, такая: «В г. Александровске: две роты пехоты – 4-я и 3-я численностью около 400 человек при 8 пулеметах системы “Гочкиса” без щитов и легкого типа (ружейного обрезания) с прикладом, при каждом пулемете 4 номера прислуги. Казармы расположены в центре города. 5 орудий 3-дюймового калибра, дальность стрельбы 7 ½ версты (в настоящее время стоят в артиллерийском складе без употребления). Никаких укреплений нет. Кавалерии нет»; о важных экономических объектах: «каменноугольный рудник Ф.Е.М. Петровского. Работал зиму 1922 года. Продажа исключительно частная и на электрическую станцию. Цена угля с доставкой 16 иен тонна. Рудник расположен в 6 верстах от города». Содержится там и подробнейшая информация о крупных военных чинах: биография, родственные и карьерные связи, послужные списки, личные качества и фотографии японских генералов, служащих на Сахалине. Полнота поставляемых све-

дений, судя по всему, удовлетворила тогдашнее начальство агента «ДД», и оно приказало ему перебраться на давно уже обжитой японцами Южный Сахалин. Ощепков отказался, но предложил взамен другую командировку – в Токио, откуда он уехал всего 6 лет назад, где ему многое и многие оставались знакомы.

Однако прежде, чем перейти непосредственно к «топографической» части нашего повествования об Ощепкове, необходимо упомянуть, что по пути в Токио он оказался в столице «Русского Китая» – Харбине, где остановился у Исидора Незнайко, и где познакомился со своей землячкой Марией. Об этой девушке, к сожалению, известно крайне мало: в дополнение к вышесказанному можно только отметить, что она была молода – в 1924 году ей было всего 17 лет, красива – это хорошо видно по немногим сохранившимся фотографиям, и нездорова – чахотка вскоре оборвала ее земной путь. Фамилия же Марии до сих пор остается государственной тайной, хотя автору этого рассказа не дано понять, в чем именно заключается причина такой секретности. Зарегистрировав брак с Марией, Ощепков отправился через Шанхай в столицу уже «Русской Японии» – Кобэ, куда прибыл 24 ноября. Место прибытия и начала жизни Ощепковых в Японии было выбрано, если даже и неосознанно, то очень удачно. После Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 года Кобэ стал точкой сосредоточения большинства иностранных диаспор Японии. Крупнейший ввозной порт этой страны, он сумел растворить в себе и обеспечить востребованность для довольно большого, по японским масштабам, количества иностранцев. Только русских, по оценке эксперта по изучению русской диаспоры в Японии профессора П.Э. Подалко, там проживало более 300 человек – необыкновенно много для такой закрытой страны, как Япония двадцатых годов прошлого века. В Кобэ до сих пор сохранились остатки «русского квартала» в престижном районе Китано, неподалеку от которого Ощепковы прожили около 7–8 месяцев – до середины лета 1925 года, пока не перебрались в Токио. За это время Василий Сергеевич сумел полностью легализоваться в этой стране, получить информацию о слежке за собой со стороны японской полиции и предложение стать официальным представителем там германской кинокомпании «Вести». Разведывательные возможности в Кобэ вряд ли могли удовлетворить Центр – ничего особенно ценного эмигранты сообщить не могли, а плотность полицейского наблюдения была там слишком высока. Токио сулил новые перспективы, и, перебравшись туда, Ощепков постарался доказать, что ожидания могут быть оправданы. Итак, Токио Василия Ощепкова...

Акасака

Перед отъездом первый нелегальный резидент советской военной разведки, как и положено, составил план работы в японской столице:

«1). Прежде всего, установить, в каких учреждениях служат учившиеся со мной в японской школе (*под «японской школой» Ощепков имел в виду Токийскую семинарию, называть которую точно избегал по понятным идеологическим причинам: «с волками жить...» – А.К.*) японцы.

2). Найти подходящую квартиру вблизи расположения какого-либо полка.

3). Записаться членом спортивного клуба “Дзюдзюцу” в районе расположения полка.

4). Завязать знакомства с теми студентами, в семье которых имеется кто-нибудь из военных.

5). Завязать знакомство с фотографом, выполняющим работу для полка.

6). В случае необходимости поручить жене открыть курсы русского языка.

7). Установить время и место регулярного свидания с сотрудником Чепчиным (японец К.).

8). Наладить связь с Плешаковым, который служил в Центросоюзе в Хакодате, через которого была единственная возможность сдавать материалы для отправки во Владивосток или Харбин.

9). Познакомиться с русским служащим в интересных для меня учреждениях.

10). Чаще встречаться с товарищем по школе Сазоновым, который являлся правой рукой атамана Семенова, и через него познакомиться с лицами из политических и военных кругов Японии».

Даже поверхностный взгляд, брошенный на этот план, позволяет судить, что служивший ранее в приморской контрразведке Ощепков решил не мудрствуя лукаво использовать опыт японских разведчиков, любивших перед началом Русско-японской войны найти себе теплое местечко в качестве прачки, а лучше фотографа, неподалеку от какой-нибудь русской воинской части. По сей день многие загадочные иностранцы, особенно из стран Востока, настойчиво ищут жилье в непосредственной близости от КПП здания ГРУ на Хорошевском шоссе в Москве – ничто не ново под луной.

Еще и сегодня распространена практика фотографирования солдат и офицеров на память в местных фотоателье или с привлечением профессиональных фотомастеров, но во времена, когда мобильных телефонов еще не было, а мода на фото процветала, фотоателье были местом исключительно уважаемым и посещаемым, фотограф мог знать в лицо и наперечет всех военнослужащих ближайших к его ателье частей. Беседуя с японским мастером в фотоателье, интеллигентный, хорошо образованный иностранец Ощепков мог рассчитывать на получение массы ценной информации о личном составе расквартированных по соседству частей, а заодно и об их перемещениях, расписании, воровании. А уж если наш разведчик выполнил не только пункт 5 своего плана, но и пункты 2 и 3, то есть поселился в непосредственной близости от воинских частей, то ценной информацией он должен был быть обеспечен под самую завязку. Ведь именно так поступали японские разведчики у нас. Так рассуждали, вероятно, начальники Ощепкова, так пишут в книгах, так думал и я, и... ошибался. Во всяком случае, сегодня я уверен в том, что ошибался тогда, – точно так же, как ошибался и сам Василий Сергеевич, отсылая в Центр «Дяде» свой план работы в Токио.

Россия – это Россия, а Япония – Япония. Как бы ни банально это звучало, но это данность, и в случае с разведкой непонимание этой простейшей истины может оказаться убийственным или самоубийственным для разведчика. Да, в наших, российских, условиях присутствие в непосредственной близости от воинских частей предприятий инфраструктуры –

прачечных, булочных, кафе, фотоателье, синематографа и подобных им заведений – не вызвало беспокойства ни у военных, ни у полиции вплоть до того знаменитого момента, когда «жареный петух» в лице японских флота и армии не клюнул их в известное место пониже португалии. Лишь когда Русско-японская война уже началась, стартовал процесс зачистки прифронтовых территорий, а также местностей вокруг охраняемых объектов от подозрительных лиц, к которым чаще всего относили китайцев. Разобраться в том, сколько из них расстреляли за дело – за шпионаж в пользу Японии, а сколько по ошибке, не представляется возможным. Важно другое: российская контрразведка манеру сбора информации японцев раскрыла, поняла и взяла на вооружение. Но вот только... Россия – не Япония.

Как мы помним, во времена обучения Васи Ощепкова в Токийской православной семинарии военным агентом, то есть военным атташе России в Японии, был полковник, а позже генерал-майор Генерального штаба Владимир Константинович Самойлов. Проживший в Токио много лет, он прекрасно знал язык, тонко чувствовал культуру страны и менталитет народа, ее населяющего. Понимал, что «в Японии разведка является делом особенно трудным и рискованным». В одном из своих отчетов в Петербург он писал о причинах возникающих трудностей:

«1. Предлагающие свои услуги обычно бывают принуждены к этому денежными затруднениями вследствие игры и кутежей, а так как в Японии игры запрещены, то много шансов за то, что данное лицо уже находится под наблюдением полиции и за каждым шагом его следят, следовательно, он легко может попасться, что обыкновенно и бывает довольно скоро.

2. Японцев никоим образом нельзя обвинить в болтливости. Много из того, что в европейских странах является предметом обыденных разговоров офицеров, чиновников и пр., никогда не обсуждается вне присутственных мест. Следовательно, уничтожается возможность кому бы то ни было услышать и воспользоваться этим для каких бы то ни было целей.

3. В Японии секретными считаются многие вещи, которые в европейских странах появляются в печати и продаются для публики: большая часть карт, все учебники военных училищ, штаты и пр. секреты.

4. Укоренившаяся среди японцев привычка шпионить и подсматривать друг за другом выработала из них отличных агентов тайной полиции. В Японии не считается позорным ремесло доносчика и шпиона.

5. Без преувеличения можно сказать, что за всеми официальными лицами, живущими в Японии, по пятам следует агент полиции. Иногда он даже не скрывается, и в случае вопроса о том, зачем он неустанно следует, обыкновенно дается ответ, что это делается для безопасности... Японцы не стесняются осматривать вещи в отсутствие владельца, прочитывать письма, подслушивать...»

Стажировавшийся в Японии в 1907–1908 годах офицер Генерального штаба Николай Стромилов вторил своему шефу и уточнял: «Как в европейских армиях хороший солдат должен быть хорошим разведчиком, так в Японии каждый солдат должен быть шпионом, каждый гражданин должен быть готов (и он готов) к тому же... Стоит только русскому сесть на пароход, отправляющийся в Японию, как за ним тотчас учреждается негласный надзор, о котором он, конечно, и не подозревает и который не прекращается во все время пребывания его в “стране Лотоса”; каждый его шаг (буквально), каждая истраченная копейка, каждое сказанное слово записываются, а в маленьких городах и печатаются в местной газете в статье под заглавием: “Русский шпион такой-то”, о чем не знающий японского языка (каковы почти все русские за исключением нескольких человек, которые, конечно, у японцев на строгом учете) совершенно не знает. О “тайне частной переписки” в этих случаях смешно и говорить».

Василий Ощепков прибыл в Японию через 14 лет после публикации Военным министерством книги «Японец во весь рост», откуда и взята эта цитата. Очень скоро он мог на собственном опыте убедиться, что полтора десятилетия для этой страны традиций – не срок. В

Кобэ, куда пароход доставил чету Ощепковых из Шанхая, их, если верить автору первой биографии М.Н. Лукашеву (а не верить ему нет никаких причин), вскоре навеслил полицейский, приставленный для полицейского надзора за ними. По счастью, и это счастливое обстоятельство сопровождало Ощепкова все время пребывания в Японии, полицейский оказался его знакомым – русистов и японистов всегда было мало, и обычным делом было, что они часто знали друг друга лично. Японец за лишней рюмкой сакэ поведал Василию, что на пароходе из Шанхая должен был прибыть советский разведчик под агентурным псевдонимом «ДД», киоброкер по профессии. «ДД» был, скорее всего, образованный от «дзюдо» или, как тогда говорили «дзюу-до» позывной Ощепкова, и это, конечно, он был тем самым киоброкером-разведчиком. До сих пор неизвестно, кто выдал его японцам, но, по всей вероятности, произошло это либо в харбинской резидентуре, либо в шанхайской. Такой вывод напрашивается в связи с тем, что, несмотря на то что слежка за Ощепковым продолжалась постоянно, он так никогда и не был четко идентифицирован как советский агент, не был раскрыт. Узнав об опасности провала, Центр во Владивостоке лишь срочно сменил псевдоним: теперь Василия нарекли «Монахом» (видимо, его начальники точно знали, что скрывается под расплывчатой «японской школой»), а сам он стал особенно осторожен и внимателен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.